

Дина ТОМБУ

ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПРАКТИКИ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

Статья посвящена анализу отличительных черт современных дисциплинарных практик и их роли в организации повседневной жизни человека, ее нормировании в заданном обществом потребления формате.

The article is devoted to the analysis of features of the modern disciplinary practices and their role in organization of day-to-day life of a person, its rationing in the format set by a consumer society.

Ключевые слова:

дисциплинарные практики, норма, общество потребления, власть, соблазн; disciplinary practices, norm, consumer society, power, temptation.

Современное общество, интерпретируемое как общество потребления, порождает новые средства контроля и легитимности власти. Рассмотрение дисциплинарных практик¹ в обозначенном контексте позволяет, на наш взгляд, частично обозначить и проанализировать проявления этой новизны. Дисциплинарные практики были и остаются предметом интереса целого ряда наук, т.к. позволяют существенно продвинуться в поиске ответа на животрепещущий вопрос: почему подавляющее большинство людей в прошлом и настоящем принимают навязываемые им режимы, формы эксплуатации, различные идеологические проекты? Согласно мнению известного французского антрополога М. Годелье, отношения социального неравенства никогда не выстраивались только на угрозе насилия. Наличие в любом обществе отношений подчинения с готовностью воспринималось и самими эксплуатируемыми, и эксплуататорами — как награда за оказанные обществу услуги. Первоначально — в виде обеспечения покровительства со стороны сверхъестественных, божественных сил. Со временем монополия на «воображаемые» средства производства трансформируется в монополию на материальные средства производства, в реальную собственность, позволяющую распоряжаться жизненно важными для общества ресурсами. Этот процесс всегда подкреплялся соответствующими данному времени дисциплинарными практиками. Анализируя «микрофизику власти», М. Фуко подчеркивал, что власть — это «механизмы, маневры, тактики, техники»², а не привилегии, которыми можно пассивно обладать.

В традиционных обществах дисциплинарные практики осуществлялись в форме взимания произведенного продукта; захвата земель, людей, вещей; телесных наказаний, показательных пыток и казней. Это были формы открытого насилия, а интеграция общества в рамках того или иного заданного властью проекта обеспечивалась репрессиями. Начиная с XVIII в., ключевой становится идея равенства всех людей перед законом и справедливости наказания, применяемого ко всем в зависимости от степени тяжести совершенного преступления. Идеологической составляющей, целью новых дисциплинарных практик становится нормирование общества. Тюрьма, Армия, Школа, Больница, Организация превращались в инструменты, способные контролировать и дисциплинировать любую социальную группу. Совершенствуя технику надзора, они по-

¹ Дисциплинарная практика — это форма реализации властных стратегий путем применения средств поощрения и принуждения.

² Фуко М. Надзирать и наказывать / пер. с франц. В. Наумова, под ред. И. Борисовой // <http://philosophy.ru/library/foucault/03/fuko>

ТОМБУ

Дина

Вольдемаровна —
к.соц.н., доцент

кафедры

политологии и

социологии МПГУ

tombu@sumail.ru

степенно из инструментов превратились в самостоятельные институты, обеспечивающие интеграцию общества через нормирование в заданном властью формате.

В основе дисциплинарной практики лежит дисциплинарная власть, устанавливающая степень соответствия тому, что должно быть достигнуто, и определяющая внешнюю границу ненормального. Понятие Ненормального — это один из способов власти, структурирующей общество, воспринимать индивидов, производить их дифференциацию, отсеивать, перевоспитывать, если надо — уничтожать. Фигура Ненормального рождается самой властью и этой же властью контролируется. Но власть — это не только ограничение воли других лиц, но и важная регулирующая константа функционирования любого социального организма. Поэтому дисциплинарная власть достигает своей цели только тогда, когда она целесообразна с точки зрения государственных интересов. Морально-политическая идеология, нормирование, надзор, наказание — при помощи этих социальных механизмов возникли общества модерна (индустриальные общества, общества дисциплинарной власти, включая национально-буржуазные и тоталитарные социалистические государства). Механизмы, техники выработки в людях примирения с существующим политическим порядком и осознания его как единственно правильного сыграли не меньшую роль в их формировании, чем возможность элиты использовать силу напрямую.

Согласно Фуко, наказание, применяемое в режиме дисциплинарной власти современных обществ, не направлено на репрессию, оно лишь соотносит действия и успехи индивидов с неким целым и позволяет отличать их друг от друга, выстраивая в иерархическом порядке. Через дисциплинарные практики проявляется власть Нормы. Дисциплинарные практики, при помощи которых постиндустриальные общества (общества потребления) формируют своих членов, обеспечивают легитимность властных структур, свои интеграцию и нормирование, определить сложнее. Они отличаются от дисциплинарных практик модерна, прежде всего, отсутствием четких дисциплинарных пространств и социокультурных образцов, в которых конкретизируется ясная морально-политическая идеология, со-

циальный проект. Кроме того, общество потребления на уровне массового сознания предоставляет бесконечную «свободу выбора» для индивида. И не только зубной пасты и машин, экзотических меню и рецептов долголетия, возможностей проведения досуга и образовательных услуг, но и религии, пола, формы брака, даты рождения ребенка, политических симпатий и т.д.

Однако это совсем не означает, что общество потребления — поле для игры без правил. Еще в конце прошлого века Г. Маркузе в работе «Одномерный человек» высказал мысль о том, что неумеренное потребление само превращается в потребность, контролировать которую индивид не способен, т.к. эта потребность порождается обществом и используется как новое средство контроля. И, что самое важное, потребность сама становится производительной силой общества. Поэтому общество потребления, согласно З. Бауману, требует, чтобы люди в первую очередь играли роль потребителей. Модель поведения, позволяющая эту роль исполнить, носит характер добровольно-принудительный.

Утратив свойства маргинального сектора общественного производства, потребление выступает здесь как законченная система ценностей. Его превращение в тотальную организацию повседневной жизни происходит при помощи новых дисциплинарных практик. Например, вместо репрессий — рекламный образ и рекомендация специалиста. Вместо устаревших морально-политических идеологий — материальное благополучие как показатель успешной самореализации. Дисциплинарная власть никуда не исчезает, она выступает в ином облики и, согласно Фуко, становится более экономайной. Но отнюдь не в смысле разумных ограничений в тратах и ресурсах. Напротив, современного человека призывают не бороться со своими желаниями, а их удовлетворять, поскольку желания, будучи искусственно заданными, воспроизводят и укрепляют существующую систему капиталистического порядка. Причем эта искусственность неуловима для большинства, т.к. современный институт экспертного мнения апеллирует к важнейшим жизненным ценностям человека: безопасности, семье, детям, образованию, работе, жилью, здоровью.

Последнее, кстати, относится к наиболее эксплуатируемой современным бизнесом ценности. На это обращают внимание практически все социологи постмодерна, анализирующие общество потребления.

Фуко, рассуждая о «политической анатомии», писал, что репрессивное общество управляет не столько умами, сколько телами людей, используя при этом ограничения, запреты и наказания. Любая идеология останется пустым звуком, пока отсутствует специально выдрессированное тело, испытывающее нужные для существования общества желания. Капитализм устойчив не потому, что наиболее эффективно удовлетворяет нужды людей, а потому, что наиболее эффективно навязывает эти нужды. Универсальный маркетинговый ход предлагает способы избавления от страхов и беспокойств. Боишься за жизнь и имущество — тебя ждут страховые компании. Боишься быть неконкурентоспособным на рынке труда — тебя ждут всевозможные образовательные услуги и рекрутинговые агентства. Испытываешь одиночество — к твоим услугам брачные агентства, консультации психологов и тренинги, тренинги.

В этой погоне сложно увидеть Властвующего, почувствовать надзор и принуждение. Кажется, что принуждения нет — это сам человек желает выглядеть, питаться, отдыхать, иметь сообразно норме.

Правда, норма устанавливается властью и этой же властью контролируется, но индивид если и признает себя объектом манипуляций, то, в лучшем случае, со стороны рекламы, моды, СМИ, никоим образом не воспринимая их как каналы, транслирующие чью-то жесткую волю. В каком-то смысле общество потребления оказывается самой тоталитарной социальной конструкцией, просто его тоталитаризм ненавязчив и заботлив. Однако Ненормальный становится объектом репрессии независимо от того, основана она на уничтожении или на контроле и предупреждении. У людских страхов наказания (а это — одна из сторон дисциплинарной практики) свои культурно-исторические воплощения. Современный человек не боится быть сожженным на костре за уличение в неверии, быть казненным за спрятанный мешок муки, стать жертвой расистов. Но разве меньшей дисциплинирующей силой обладает, например, страх выглядеть не так, как все: толстым, немодно одетым, с зубами недостаточной белизны, мышцами не той упругости, не с тем дипломом в кармане? И поневоле закрадывается сомнение, а так ли уж эти дисциплинарные практики принципиально новы? По техникам осуществления — конечно, да. По репрессивной составляющей — большой вопрос, ответ на который нуждается в исследовательских уточнениях.